

ЕВА СТЕЛЛА

ЭХО
РАЗБИТЫХ
ЗЕРКАЛ

Ева Стелла

Эхо разбитых зеркал

<https://litres.ru/74442724>

Аннотация

Реставратор зеркал Ева Воронцова пережила предательство мужа и лучшей подруги, которые сбросили её с моста в ледяную реку. Спасённая таинственным коллекционером Дамианом Бланшем, она проходит ритуал с древним артефактом «Зеркало Лилит». Ева получает мистическую силу управлять чужими страхами, но платит за это собственными воспоминаниями.

Вернувшись под чужим именем, она начинает изысканную месть, методично разрушая психику предателей. Однако чем ближе расплата, тем быстрее магия пожирает её личность. Только Дамиан, связанный с Евой роковой страстью, может спасти её - ценой собственной свободы.

Содержание

Глава 1. Осколки рая	4
Глава 2.. Зеркало Лилит	12
Глава 3. Шёпот в амальгаме	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1. Осколки рая

Ева Воронцова никогда не боялась трещин. В её профессии трещина - это не дефект, а история, голос времени, который нужно услышать, прежде чем залечить. Она реставрировала зеркала пятнадцать лет, и за это время сквозь её руки прошли венецианские овалы с муранской росписью, тяжёлые багеты эпохи модерна, потемневшие амальгамы девятнадцатого века, даже кусочек дворцового трюмо, помнившего шёпот фрейлин Екатерины Второй. Ева умела разговаривать с отражениями. Она знала: стекло помнит всё. Каждый испуг, каждую ложь, каждый поцелуй, который когда-то замер в его глубине.

Их с Марком дом пах деревом и деньгами. Не кричащими деньгами новодела, а спокойной, уверенной роскошью, которая не нуждается в подтверждениях. Марк Воронцов был мастером именно таких подтверждений: улыбался правильно, здоровался за руку чуть дольше нужного, носил часы, за цену которых можно было бы купить небольшую подмосковную квартиру, но никогда не снимал их даже в душе. Ева привыкла к его идеальным манерам, к тому, как он целовал её в макушку по утрам, не глядя, механически, словно ставил галочку в списке супружеских обязанностей. Она списывала это на усталость. Марк строил империю, которая требовала жертв, и Ева считала себя счастливницей, что жертвой оказа-

лась не она.

В то утро она нашла ключи.

Небрежно брошенный пиджак на спинке стула, обычная мужская безалаберность, которую она всегда находила трогательной. Ева хотела отдать его в химчистку, потому что на отвороте рукава тёмнело пятно, похожее на вино или кровь, но в его мире и то, и другое бывало одинаково часто. Во внутреннем кармане лежал жёсткий брелок с двумя ключами: один массивный, дверной, с гравировкой в виде буквы W, второй маленький, от почтового ящика или сейфа. К букве W добавлялась цифра 7. Ева замерла. Их загородный дом был под номером двенадцать, и ключи от него хранились на общей связке в прихожей. Этот ключ не подходил ни к чему из известного ей имущества.

Она не хотела проверять. Честное слово, не хотела. Та женщина, которой она была до этого момента, та Ева, которая верила в уютные вечера с бокалом красного и доверительные разговоры в постели, та Ева убрала бы ключ обратно, сказала себе, что это деловая недвижимость, склад или офис. Но в груди уже заворочалось что-то липкое, холодное, незнакомое. Инстинкт реставратора: если видишь трещину, ты обязан заглянуть внутрь. Иначе она разрастётся сама.

Загородный дом, адрес которого Ева нашла в бумагах Марка, оказался в сорока километрах от города, в посёлке, которого не существовало на картах, но который жил своей сытой, скрытой от чужих глаз жизнью. Ева оставила машину

на въезде, чтобы не шуметь мотором. Она не знала зачем. Внутри уже всё кипело, глупое сердце колотилось, пальцы леденели даже в перчатках из тонкой кожи. Дом оказался небольшим, стильным, с панорамными окнами в пол и ухоженным газоном, на котором стояла садовая мебель из ротанга. На столике застыла бутылка полусухого шампанского и два бокала. Один - с отпечатком ярко-розовой помады.

Ева открыла дверь своим ключом. Внутри пахло дорогими духами, теми самыми, которые Кристина носила ещё с университета, «Coco Mademoiselle», резкий, девичий аромат, который Ева всегда считала слишком сладким.

Сцена, открывшаяся взгляду, не требовала расшифровки. Марк лежал на белом кожаном диване, расстегнутая рубашка, влажные волосы, на груди царапины. Кристина сидела на нём верхом, вся в кружеве и торжестве, и когда они оба обернулись на звук шагов, в их глазах не было ни стыда, ни страха - только досада, как у игроков, которым помешали доиграть партию.

Ева не побежала, не закричала. Она смотрела на подругу, с которой делила пледы, секреты, косметику, а однажды, на втором курсе, даже парня. Тогда Кристина извинилась, а Ева простила. Теперь Кристина даже не поправила сползшую бретельку.

- Ева, - сказала она с ленивой усмешкой. - Ты не вовремя.

Марк медленно сел. Нижняя пуговица его рубашки была расстёгнута, брюки спущены, и он даже не пытался при-

крыться. В этом было что-то животное. Он смотрел на жену как на привидение, которое всего лишь задержалось в этом мире чуть дольше положенного.

- Выходи, - приказал он. Голос низкий, чужой. Так разговаривают с уборщицей, которая зашла не в ту комнату.

Ева шагнула назад. Пяткой задела косяк, но боли не почувствовала. Внутри разливался странный вакуум, как будто кто-то вынул из неё всё - гнев, обиду, даже память о том, зачем она вообще сюда приехала. Она развернулась, чтобы уйти, но в прихожей услышала голоса. Марк и Кристина не понижали тона. Дом был маленьким, акустика идеальной.

- Она ничего не видела? - голос Кристины, испуганный, но не так, как пугаются разоблачения, а так, как пугаются срыва плана.

- Видела, - голос Марка, спокойный до отвращения. - Но это ничего не меняет. Через месяц суд. Все анализы уже готовы, нейролептики в её крови, диагноз «прогрессирующая паранойя с элементами шизофрении». Кто поверит психопатке?

- А вдруг она к адвокату обратится?

- К какому адвокату, Кристина? - Марк засмеялся. - Её телефон давно под моим контролем. Почта, соцсети, даже уведомления от банка. Она уже полтора года ничего не читает без моего разрешения. Просто не замечает. Слишком доверчивая. Слишком любит. Дура.

Кристина хихикнула. Этот смех прозвучал как удар хлы-

ста.

- А доля в фирме? Ты уверен, что после признания ее недееспособной переход прав будет чистым?

- Нотариус в кармане, судья прикормлен, - Марк говорил деловито, как на совещании. - Её отец поступил дальновидно, оставив ей свои проценты, но он не учёл одного - что его драгоценная дочь выйдет замуж за меня. Я всё продумал. Три года подготовки, двадцать три инъекции в её утренний кофе, семь фальшивых диагнозов от разных врачей. Она даже не заметила, как начала бояться собственной тени. Теперь осталась мелочь.

- Подпись в отказе от прав.

- Нет, милая, - в голосе Марка появилось терпение учителя, объясняющего прописные истины. - Подпись у нас уже есть. Генеральная доверенность, которую она подписала в прошлом году, когда думала, что я помогаю ей с налоговой. Она подписывает всё, что я кладу перед ней. Особенно когда я говорю, что так будет лучше для нашей семьи. Дура.

Ева не дышала. Стояла в прихожей, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрела на собственную руку. Та тряслась мелкой дрожью. Она вдруг поняла, что последние полтора года её постоянная тревога, бессонница, галлюцинации на грани сна и яви - это были не срывы, а последствия. Марк травил её медленно, методично, как крысу в подвале. Он подмешивал ей в кофе психотропы, а она думала, что просто устала. Он водил её к подставным врачам, а она верила, что

он заботится о здоровье жены. Он изолировал её от подруг, от семьи, даже от любимой работы - сначала забрал мастерскую, потом уговорил продать коллекцию старых инструментов, потом просто перестал давать деньги на материалы.

- Ты гений, - прошептала Кристина.

- Я знаю, - ответил Марк.

И тут Ева сделала глупость. Она не побежала к двери, не набрала полицию, не записала разговор на диктофон. Она шагнула обратно в комнату. Прямо перед ними. Глаза сухие, голос чужой, незнакомый даже себе самой.

- Ты забыл одну деталь, Марк.

Он не вздрогнул. Даже бровью не повёл. Сидел на диване, расслабленный, счастливый, красивый в своей жестокости, как библейский змей.

- Какую же, дорогая?

- Я ещё жива.

Кристина прыснула. Марк улыбнулся.

- Это поправимо.

Ева выбежала в ночь. Не помнила, как оказалась в машине, как завела двигатель, как вылетела на пустынное шоссе. Сзади зажглись фары - Марк бросился за ней на своём чёрном внедорожнике. Он никогда не проигрывал. Тем более женщине, которую уже списал в расход.

Мост был старым, узким, без тротуаров. Река внизу казалась чёрной масляной лентой, подсвеченной редкими фонарями. Ева вела машину на пределе, но Марк был опытнее,

злее, быстрее. Он догнал её на середине моста, поравнялся, прижал к парапету. Металл заскрежетал, посыпалась ржавая крошка. Ева выкрутила руль вправо, чтобы не улететь в воду, но Марк нажал на газ. Ещё удар. Ещё. Её машину занесло, она ударилась боком о перила, дверь со стороны водителя деформировалась, не открывалась. Марк вышел из своего внедорожника. Он шёл медленно и улыбался.

- Зачем ты это делаешь? - крикнула Ева через треснувшее стекло. - Зачем тебе моя доля? У тебя и так всё есть.

- Всё? - Марк приблизился, заглянул в салон, и в его глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который она раньше принимала за страсть. - У меня нет ничего, пока у тебя есть этот чёртов пакет акций. Твой отец унижал меня при жизни. Называл выскочкой. Говорил, что я никогда не стану своим. Теперь я забираю его наследство. И он может вертеться в гробу сколько хочет.

Он открыл дверь с её стороны. Рванул так, что петли вылетели. Схватил Еву за запястье, вытащил наружу. Асфальт под ногами мокрый, скользкий, пах нефтью и близкой водой. Ева попыталась вырваться, ударила Марка сумочкой, в которой лежал тот самый злополучный ключ. Он просто рассмеялся.

- Ты смешная, Ева. Всегда была смешной. Верила в сказки, в любовь, в то, что если быть хорошей, всё окупится. Ничего не окупается. Только власть дает все.

И он толкнул её ладонью в грудь.. Не сильно, даже нежно

почти. Но Ева стояла у самого края, и этого движения хватило, чтобы она перевалилась через низкие перила. Секунда полёта. В ушах свистнул ветер, пропитанный запахом дизеля и предательства. Потом она оказалась в воде, ледяной, как скальпель, как взгляд Марка.

Она уходила на дно медленно. Без паники. Без крика. Лёгкие горели, но сознание оставалось ясным. Ева смотрела вверх, на поверхность, которая становилась всё дальше, и видела в ней отражение моста и двух фигур, склонившихся над перилами. Марк и Кристина. Смотрели. Ждали. Убежались.

Потом они ушли.

Глава 2.. Зеркало Лилит

В ледяной воде реки для неё остановилось время, а боль стала таким же далёким и незначительным понятием, как и время. В какой-то момент Ева перестала дышать, но лёгкие не взорвались, грудная клетка не сжалась в агонии. Она просто плыла в темноте, холодной и бесконечной, и чувствовала, как что-то внутри неё умирает, а на месте умершего рождается другое - желание не умереть, не сейчас, не так.

Когда река вынесла её на берег, Ева не удивилась. Она лежала на мелкой гальке, в водорослях, похожая на утопленницу из старых сказок, но кашляла водой, дышала, жила. Жизнь оказалась не подарком, а приговором. Каждый вдох отдавался тошнотой. Тело не слушалось, ноги отказывали, руки тряслись в крупной дрожи. Где-то над головой шумели деревья, пахло сырой землёй и ржавчиной. А ещё - ладаном. Стойкий, сладковатый запах церковного фимиама, который никак не вязался с берегом чёрной реки в ноябре.

Ева подняла голову. Прямо перед ней возвышался дом. Не особняк, не замок - скорее, чёрный силуэт, проступающий сквозь туман, с острыми шпилями, узкими окнами-бойницами и фасадом, облицованным тёмным камнем, блестящим от ночной влаги. Ни одного светящегося окна. Ни одной машины у ворот. Только чугунная решётка с вензелем в виде буквы В, переплетённой с виноградной лозой. Поме-

стье Бланш.

Дамиан Бланш открыл дверь до того, как Ева постучала. Он стоял на пороге в одной чёрной рубашке с закатанными рукавами, с непокрытой головой, и в тусклом свете единственной свечи, горевшей где-то в глубине холла, его лицо казалось вырезанным из старого дерева - острые скулы, глубокие тени под глазами, волосы цвета воронова крыла, собранные в низкий хвост. Он был красив той опасной, нечеловеческой красотой, которая не сулит ничего хорошего. Красив, как грех, как месть, как зеркало, в котором отражается не лицо, а душа.

- Ева Воронцова, - сказал он тихо. Не спросил, констатировал. - Я ждал тебя.

Она хотела спросить «кто вы», но вместо этого потеряла сознание у его ног.

Очнулась в кровати. Огромной, с балдахином из чёрного бархата, с простынями, пахнущими лавандой и ещё чем-то горьким, похожим на полынь. Её тело было чистым, переодетым в длинную мужскую рубашку, волосы влажными, а на левом запястье алела тонкая полоса, похожая на порез, но не кровоточащая - светящаяся, как раскалённая проволока. Ева потрогала её пальцем, и по всему телу пробежала судорога - не боль, нет, что-то гораздо глубже, похожее на эхо чужой воли.

- Не трогай, - раздался голос из угла комнаты. - Ритуал ещё не завершён. Рана затянется сама, но если ты нарушишь

связку, придётся начинать сначала.

Дамиан сидел в кресле с высокой спинкой, держа в руках книгу в кожаном переплёте, весь в тених и лунном свете, сочащемся сквозь витражное окно. На стене за его спиной висело зеркало. Не обычное, не из тех, что Ева привыкла реставрировать. Это зеркало было старым, очень старым - рама из чёрного дуба с инкрустацией из опалов, амальгама потемневшая, но не равномерно, а пятнами, как кожа после ожога. В глубине стекла, если смотреть под определённым углом, угадывалось движение. Какие-то тени, силуэты, лица, которые появлялись и исчезали, не успевая стать узнаваемыми.

- Что это? - прошептала Ева. Голос сел, горло саднило после ледяной воды.

- Зеркало Лилит, - ответил Дамиан, закрывая книгу. - Создано в Вавилоне за тысячу лет до Рождества Христова. Первое зеркало, в которое посмотрелась первая женщина, созданная не из ребра, а из глины и огня. Лилит не хотела подчиняться Адаму, и за это Господь изгнал её из рая. Но прежде чем уйти, она успела оставить своё отражение в куске полированного обсидиана. С тех пор это зеркало переходит из рук в руки. Оно дарует силу, которая не даётся даром: за неё всегда приходится платить, и исключений из этого закона не существует.

Ева села на кровати. Голова закружилась, но она удержалась. Взгляд упал на запястье - светящаяся полоса уже побледнела до розового, втягиваясь в кожу, как змея в нору.

- Ты спас меня? - спросила она, хотя ответ знала заранее.

- Я вернул тебя к жизни. Ты была мертва почти четыре минуты. Сердце не билось, лёгкие заполнены водой. Врачи сказали бы «клиническая смерть». Я сказал «точка невозврата». - Дамиан встал, подошёл к кровати, и Ева впервые заметила, какой он высокий. Широкие плечи, тонкая талия, пальцы музыканта или хирурга - длинные, сильные, с чёрными ногтями, выкрашенными не лаком, а въевшейся в кожу старой краской. - Я мог тебя вернуть обычными методами: сердце запустить, лёгкие осушить. А вот душу, которая уже начала распадаться на осколки, как разбитое зеркало, я собирал с помощью этого артефакта.

- Ты... собрал мою душу? - Ева не знала, смеяться ей или плакать. Всё происходящее походило на бред умирающего, на галлюцинацию, вызванную психотропами, которыми её пичкал Марк. Но запястье больше не светилося, а в груди пульсировало что-то новое, чужое, сильное. Не её.

- Я заменил осколки, - поправил Дамиан. - Твоя душа была рассыпана на множество мелких частей, каждая из которых тянула в свою сторону. Предательство Марка, годы отравления, удар о воду. У обычного человека не осталось бы ни шанса. Но Зеркало Лилит любит сильных. Оно выбрало тебя.

Дамиан помолчал. В его глазах цвета старой бронзы зажглось что-то - не сочувствие, скорее интерес хирурга к редкому случаю.

- Я заполнил пустоты магией. Теперь ты связана с зерка-

лом навсегда. Пока оно цело - ты жива. Но и ты, и зеркало теперь единое целое. Его сила - твоя. Его уязвимость - тоже. Если зеркало разобьют, ты рассыплешься вместе с ним.

Ева подняла глаза к зеркалу. Она увидела своё отражение и не узнала его. Лицо осталось её лицом: высокие скулы, широко посаженные глаза цвета болотной тины, полные губы, на которых всегда держалась лёгкая усмешка. Но взгляд изменился. В глубине зрачков теперь горел крошечный огонёк, похожий на отсвет свечи в тёмной комнате. И волосы, прежде русые с медным отливом, стали почти чёрными, как нефть, как вода в той реке, которая должна была стать её могилой.

- Кто я теперь? - спросила она шёпотом.

- Ты теперь та, кто видит сквозь отражения, - ответил Дамиан. - Подойди к любому зеркалу, загляни в него и ты увидишь истинную сущность человека, который в него смотрится. Красоту или уродство. Правду или ложь. Ты сможешь забирать у людей их страхи, превращать сны в кошмары, делать их беззащитными перед собственным безумием. Это дар и проклятие одновременно. Потому что платить будешь ты.

- Какую плату? - спросила Ева, хотя догадка уже шевельнулась где-то в глубине.

- Каждый раз, используя зеркальную магию, ты отдаёшь зеркалу частицу своей памяти. Сначала забудутся мелочи: какой кофе ты любила по утрам, имя первой учительницы,

запах дождя в августе. Потом - лица, голоса. В конце концов ты забудешь себя. Станешь пустой оболочкой, через которую зеркало будет смотреть на мир.

- Но я получу месть.

Дамиан усмехнулся. В этой усмевке не было веселья - только горечь, старая, как его дом и его зеркало, как его собственное проклятие, о котором он пока не говорил ни слова.

- О да, Ева. Ты получишь свою месть. Марк и Кристина будут молить о смерти задолго до того, как ты их отпустишь. Но цена будет выше, чем ты думаешь.

Она встала с кровати. Босая, в чужой рубашке, с мокрыми волосами, подошла к Зеркалу Лилит и посмотрела в него в первый раз осознанно. В отражении не было комнаты. Не было Дамиана и даже её собственного лица. Там был город, который она знала как свои пять пальцев, но видела его по-новому - каждый дом пронизанным золотыми нитями лжи, каждый прохожий помеченным чёрной меткой страха, каждый фонарь - свидетелем тысячи предательств. А в центре этого города стояли Марк и Кристина. И они улыбались, не зная, что их улыбки уже отражены в зеркале, которое никогда не прощает.

- Я согласна, - сказала Ева. - На всё согласна.

Дамиан подошёл сзади, встал так близко, что она почувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки. Он не касался её, но между ними уже текла та самая опасная река, которую не переплыть, не перешагнуть, не забыть.

- Значит, начнём, - прошептал он ей в волосы. - Но запомни, Ева. Я не твой спаситель. И не твой союзник. Я твоё зеркало. А зеркала не лгут, но и не любят.

Закрыв глаза, она впервые увидела его истинную суть - не черты лица, а искалеченную душу. Чёрную, с зияющей раной там, где должно быть сердце. Она была так же пуста изнутри, как и её собственная. Эта абсолютная пустота стала их общей чертой, идеальной точкой соприкосновения, куда они рухнули одновременно, будто два камня в глубокий колодец.

Глава 3. Шёпот в амальгаме

Шли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.